

Пролог

Август 1831 года

Баллиранна, графство Килкенни, Ирландия

— Я ишу Пэдди О'Лохлина.

Приблизившись к стойке бара в «Трубе и барабане», леди Присцилла смело встретила ошеломленный взгляд владельца кабачка и запоздало пожалела, что не позаботилась изменить свой выговор. Но тут глаза Миллера блеснули, и она поняла, что в этом не было смысла: ее явно узнали. Правда, она надела старую поношенную амазонку и широкополую шляпу, но скрыть лицо не удалось: вряд ли вуаль поможет завоевать доверие Пэдди О'Лохлина.

Миллер, грузный мужчина с круглой лысой головой, продолжал изучать ее с таким видом, словно она представляла серьезную угрозу. Украдкой вздохнув, она уверенно облокотилась на стойку.

— Все в порядке: я просто хотела поговорить с ним.

Присцилла смягчила и без того мягкий провинциальный акцент, но Миллер и глазом не моргнул, поэтому она добавила в голос убедительности.

— Понимаете, мой брат теперь занимает место, с которого недавно уволился Пэдди. Вот я и хотела послушать, что он скажет насчет работы и хозяев.

Больше ему ничего не удастся узнать. Она хотела получить заверения в благополучии Раса, но не собиралась ворошить на людях грязное белье Деллоуэя, тем более что Миллер наверняка такой же сплетник, как и все его приятели.

Миллер нахмурился и огляделся.

Было только два часа. Чуть подальше, за стойкой, сидели трое рабочих и несколько завсегдатаев. Они украдкой поглядывали на благородную мисс, незнамо как очутившуюся в их логове.

Маленькие окна с толстыми волнистыми стеклами почти не пропускали света; в темном помещении преобладали коричневые и зеленые тона. Убогая обшарпанная комната производила угнетающее впечатление, внимание привлекал только блеск стаканов и бутылок на стене за стойкой.

Миллер огляделся, отставил стакан, который вытирал, подступил ближе и понизил голос:

— Хотите сказать, молодой лорд Рассел ни с того ни с сего вот так взял и занял место Пэдди?

Прис всеми силами старалась не зашипеть, как змея.

— Да. Я думала, может, Пэдди сумеет рассказать о конюшнях лорда Кромарти, — объяснила она, пожав плечами, словно для графского сынка вполне естественно стать младшим конюхом, а для его сестры — мчаться два часа, не разбирая дороги, в это низкопробное заведение, чтобы справиться у предшественника об условиях бывшей работы. — Обычное любопытство, не более того.

И еще беспокойство. С чего это вдруг человек, подобный Пэдди О'Лохлину, ни с того ни с сего оставляет столь завидную должность? Он был местной легендой во всем, что касалось лошадей. Более того, помогал тренировать будущих прославленных победителей скачек по всей стране. Прис не была с ним знакома, но знала, что он живет неподалеку от той деревушки, где лучше всего и справиться о нем.

Миллер продолжал пристально изучать ее. Наконец, кивком показав на крупного мужчину в одежде рабочего, сидевшего в самом темном углу за пинтой пива, он нехотя выдавил:

— Вам лучше спросить Шеймуса О'Малли. Они с Пэдди были лучшими друзьями.

4 Были?

Прис вопросительно вскинула брови.

Миллер величественно кивнул.

— Если кто и может вам помочь, так это Шеймус, — подтвердил он и, отступив, добавил: — Окажись мой братец в старых башмаках Пэдди, я тоже стал бы расспрашивать.

Беспокойство переросло в тревогу. Прис выпрямилась.

— Благодарю вас.

Повернувшись, она присмотрелась к Шеймусу О'Малли. Она ничего о нем не знала.

Отойдя от стойки, Прис пересекла комнату.

О'Малли сгорбился за столом, перекатывая кружку в заглубивших ладонях. Девушка остановилась и подождала, пока он поднимет глаза. Шеймус тупо моргнул, явно узнав ее, но не понимая, почему она здесь.

— Я ишу Пэдди О'Лохлина. Миллер посоветовал обратиться к вам, — тихо заметила она.

— Он так сказал?

Шеймус заерзал и взглянул на кабатчика.

Прис не стала оборачиваться. Когда Шеймус, очевидно, удовлетворенный кивком Миллера, нерешительно глянул на нее, она выдвинула стул и уселась.

— Миллер сказал, вы хорошо знали Пэдди.

— И что? — насторожился Шеймус.

— Где он?

Шеймус снова моргнул и уставился в почти полную кружку.

— Не знаю, — обронил он и, прежде чем Прис попыталась его расспросить, продолжил: — И никто не знает. Он был здесь как-то ночью, неделю назад, и, как всегда, ушел домой почти перед закрытием. Только вот до дома не добрался.

Их глаза на мгновение встретились.

— Дорога к его жилищу идет через болота.

Прис решительно подавила поднявшуюся волну паники, попыталась придумать другие причины отсутствия Пэдди и не смогла.

— Хотите сказать, что его убили?

Шеймус опустил глаза и пожал плечами:

— Откуда нам знать? Но Пэдди ходил той тропой десять тысяч раз, с самого детства, а в ту ночь даже не был пьян: так, навеселе. Трудно поверить, что он сбился с пути и попал в трясины. Но с тех пор о нем ни слуху ни духу.

Ледяной холод сковал Прис.

— Мой брат, лорд Рассел, занял прежнее место Пэдди.

Она словно издали услышала свой ровный голос и осознала, что Шеймус встревожен.

— Я хотела расспросить Пэдди о конюшнях Кромарти. Он что-нибудь рассказывал о своей работе? О людях?

В глубоко запавших глазах Шеймуса читались тревога и сочувствие. Отхлебнув пива, он тихо пробормотал:

— Пэдди служил там три года. Сначала место ему понравилось, и лошади вроде все породистые, но недавно он обмолвился, что там творится неладное. Поэтому и уволился.

— Неладное? — Прис подалась вперед. — Он больше ничего не говорил? Не намекнул, где собака зарыта?

Шеймус поморщился:

— Упоминал только, что этот дьявол Харкнесс, главный тренер Кромарти, замешан в чем-то по самые уши и, что бы там ни было, речь идет о каком-то реестре.

— Реестре? — нахмурилась девушка.

— Пэдди так и не сказал, что это за реестр и что за причина.

Шеймус снова отхлебнул пива и поднял глаза на Прис.

— Я слышал, ваш брат здорово разбирается в лошадях, но никогда не подкупал жокеев, не калечил лошадей и никаким боком не касался иных темных делишек. Бог свидетель: Пэдди не был святым, — но если не смог вынести того, что творилось в конюшнях Кромарти, похоже, и у вашего брата начнутся трудности.

— И Пэдди пропал, — с ужасом пробормотала Прис.

— Да, думаю, неплохо бы сообщить об этом вашему брату, — посоветовал Шеймус и, поколебавшись,

6 уже мягче спросил: — Он ваш близнец, не так ли?

— Да, — кивнула Прис. Голос ей не повиновался, пришлось сглотнуть колючий комок в горле, чтобы овладеть собой. — Большое спасибо за все. Я обязательно расскажу ему о Пэдди.

Прежде чем подняться, она порылась в кармане и положила на стол серебряный шестипенсовик.

— Выпейте еще пинту. За Пэдди.

Шеймус глянул на монетку и миролюбиво проворчал:

— И вам спасибо. Предупредите брата, чтобы был поосторожнее.

Прис направилась к выходу.

Два часа спустя она уже входила в заднюю гостиную Деллоуэй-Холла.

Юджиния, ее тетка со стороны отца, вдова, живущая с ними вот уже семь лет, с тех пор как умерла мать Прис, сидела в шезлонге и мирно плела кружева. Аделаида, осиротевшая крестница Юджинии, хорошенькая девушка с блестящими каштановыми волосами, на два года моложе Прис, свернулась клубочком на сиденье-подоконнике с романом в руках. Заслышав шаги, она подняла голову и отложила книгу.

— Что-нибудь узнала?

Прис стянула перчатки и шагнула к стоявшему у окна дамскому письменному бюро.

— Нужно немедленно написать Расу.

Юджиния опустила спицы.

— Следовательно, ты узнала нечто неприятное. Что именно?

Прис уронила перчатки на бюро, откинула тяжелые юбки амазонки и уселась на стул.

— Я ожидала услышать, что Пэдди сцепился со старшим конюхом или что-то в этом роде. Надеюсь, что причина его ухода от Кромарти будет простой и невинной. К сожалению, это не так.

Юджиния едва заметно нахмурилась.

— Пэдди упоминал, что на конюшнях лорда Кромарти творятся беззакония, и он, не по-

желав это терпеть, попросту уволился. А сейчас исчез, и его друзья считают, что с ним разделались.

— Господи боже! — ахнула Юджиния.

— О небо! — вторила ей Аделаида, схватившись за горло.

Прис выдвинула ящичек бюро и вынула стопку бумаги.

— Напишу Расу и потребую, чтобы он немедленно убирался оттуда. Если что-то происходит с лошадьми... вы знаете Раса. Он обязательно ввяжется в какую-нибудь историю, пытаюсь все исправить. Но я не желаю, чтобы он пропал без следа. Если ему так уж неприятно возвращаться домой и объясняться с папой, пусть ищет другое место. Тренеры нужны не только у Кромарти.

Ее голос дрогнул. Пришлось остановиться и перевести дыхание.

Рас действительно был помешан на лошадях. Мечтой всей его жизни было вырастить победителя Ирландского дерби. И хотя Прис не разделяла его энтузиазма, все же вполне понимала честолюбивые устремления брата. К сожалению, их отец, Денем Деллоуэй, граф Кентленд, имел вполне определенные взгляды на то, чем полагается заниматься его сыну и наследнику, а именно — учиться управлять фамильными поместьями. Разведение и тренировка лошадей — это для людей низшего сословия, будущий граф Кентленд просто не имеет права тратить время на подобную чепуху.

Рас, старший из трех сыновей графа, тем не менее совершенно не видел себя в роли богатого землевладельца. Как и Прис, он пошел в мать и считал себя не столько англичанином, сколько кельтом, буйным, неукротимым, полным жизненной энергии. Конечно, близнецы понимали, что поместьям нужен управляющий: от этого зависит благосостояние семьи, — но это так скучно! К счастью, средний брат, Альберт, которому уже исполнился двадцать один год, пошел в отца: надежный, спокойный, солидный. Альберт, вне всякого сомнения, будет счастлив взять в свои руки

Прис, Рас и Альберт всегда были близки, как, впрочем, и остальные дети Деллоуэя. Правда, Маргарет, Руперт и Эйлин были намного моложе: двенадцать, десять и семь лет, — и требовали заботы и ласки. В заговорщицки они годились мало. Трое старших еще до кончины матери заключили что-то вроде пакта: Рас покорится воле отца и приглядит за имениями, пока Альберт не вернется из Дублинского университета. А потом они изложат отцу свой план: Альберт будет управляющим вместо Раса, который посвятит себя созданию фермы по выращиванию скаковых лошадей.

Таковы были представления о будущем, которые рисовали себе все трое, и были при этом счастливы.

Два месяца назад Альберт, закончив обучение, вернулся из Дублина, и как только ознакомился с делами поместья, они изложили свой план графу. Тот немедленно его отверг.

Расу придется по-прежнему управлять поместьями. Если Альберту так уж хочется, он может помогать брату. Но ни один Деллоуэй не унижится до выращивания лошадей на коммерческой основе.

Рас немедленно взорвался. Прис и Альберт вполне разделяли его точку зрения: семь долгих лет он подавлял свои желания, отказывался от давней мечты, уступая приказам отца, и теперь считал, что имеет право жить той жизнью, которая была ему по нраву.

Граф презрительно скривил губы и наотрез отказался даже подумать об этом.

Обе стороны обменялись недвусмысленными репликами и неприятными словами, нанеся друг другу жестокие оскорбления. Доведенный до белого каления, Рас в бешенстве вылетел из Деллоуэй-Холла и, взяв с собой лишь самое необходимое, ускакал в ночь.

Три недели назад Прис получила письмо, в котором говорилось, что брат нашел работу в конюшнях лорда Кромарти, на одной из самых известных ферм по разведению скаковых лошадей в соседнем графстве Уэксфорд.

Пропасть между отцом и сыном становилась все глубже, и Прис была исполнена решимости исправить положение. Правда, требовалось время, чтобы взаимная неприязнь улеглась. Но после отъезда Раса она впервые в жизни ощущала полное одиночество, отчаянную тоску, словно некая часть ее самой была потеряна, грубо отсечена. И чувство это было куда более сильным, чем после смерти матери: тогда Рас был рядом.

Она отправилась на поиски Пэди, пытаясь унять растущую тревогу за безопасность Раса, но вместо этого узнала, что брат попал в ситуацию, когда сама его жизнь может оказаться под угрозой.

Взяв из стопки листок бумаги, она потянулась к перу.

— Если я сейчас же напишу записку, Патрик сможет доставить ее до вечера.

— Советую тебе, дорогая, прежде всего прочитать это, — спокойно заметила Юджиния, вынимая письмо из-под бесконечно длинного водопада кружев и протягивая племяннице. — От Раса. Пришло с сегодняшней почтой после обеда. Не найдя тебя, Брэдли отдал его мне, вместо того чтобы оставить в вестибюле на подносе для почты.

Там, где его мог бы увидеть отец. Брэдли был их дворецким и, как почти все слуги, симпатизировал Расу. Прис, поднявшись, взяла письмо.

Теперь единственными звуками в комнате было позвякивание коклюшек, сопровождаемое тиканьем каминных часов.

— О нет! Что там? Что случилось?!

Взволнованные вопросы Аделаиды вернули Прис к реальности. Взглянув на встревоженных женщин, она сообразила, что выражение их лиц отражало ее нарастающий ужас.

— Рас уехал в Англию... в Ньюмаркет. Перегоняет туда скаковых лошадей конюшни Кромарти, — выдавила она и, облизав внезапно пересохшие губы, стала снова читать: — Он говорит... говорит, что

10 Харкнесс, старший конюх, похоже, задумал

какую-то аферу с лошадьми. Харкнесс рассказывал какому-то парню самого зверского вида, как проводят незаконные операции. Все дело в каком-то реестре. Рас не сумел подслушать всего, но считает, что Харкнесс имел в виду реестр всех лошадей, порода которых позволяет выставлять их на скачки. — Она перевернула страницу и, пробежав ее глазами, добавила: — Рас пишет, что не знает деталей реестра, но если когда-нибудь собирается выращивать скаковых лошадей, так или иначе должен узнать о нем как можно больше. Реестр хранится в ньюмаркетском «Жокей-клубе». — Дочитав последнюю страницу, она презрительно фыркнула: — Дальше идут уверения в полной безопасности и в том, что все будет хорошо, а если что-то пойдет не так, достаточно будет пожаловаться лорду Кромарти, мне не стоит волноваться... а главное — подпись: «Твой любящий брат, решивший пуститься в очередное приключение». — Прис швырнула письмо на бюро и обратилась к собеседникам: — Теперь придется ехать в Ньюмаркет.

Аделаида упрямо выдвинула подбородок.

— Мы поедem в Ньюмаркет. Не можешь же ты отправляться в дорогу одна!

Прис послала ей мимолетную улыбку и взглянула на Юджинию. Та кивнула и спокойно сложила кружева.

— Она права, дорогая. Иного выхода я не вижу. Я слишком люблю Раса, чтобы позволить ему распутывать эту историю в одиночку, и если там действительно творится нечто противозаконное, всякая переписка по этому поводу — чересчур большой риск. Понимаю, ты хочешь предупредить его, но что, если письмо попадет в чужие руки? Нужно потолковать с ним с глазу на глаз. Итак! — Сложив руки на груди кружев, Юджиния вопросительно уставилась на Прис: — Какую историю мы расскажем твоему отцу, чтобы объяснить, зачем нам вдруг так понадобилось в Англии?

Глава 1

Сентябрь 1831 года

Ньюмаркет, графство Суффолк

— Я надеялся еще побыть в относительной тишине и спокойствии.

Захлопнув за собой дверь кофейни «Ветка и сучок» на ньюмаркетской Хай-стрит, Диллон Кэкстон зашагал по тротуару рядом с Барнаби Адэром.

— К несчастью, солнце выманило из домов толпы маменек с дочерьми.

Рассматривая экипажи, проезжавшие по мостовой, Диллон вымученно улыбнулся и приветствовал двух матрон с разом просиявшими дочерьми.

— Идем скорее, — прошипел он. — Если мы хотя бы на минуту остановимся, это расценят как приглашение к атаке.

Барнаби, усмехнувшись, последовал его совету.

— Похоже, ты еще больше разочарован милыми созданиями, чем в свое время Джерард.

— Конечно, ты, живя в Лондоне, привык к худшему, но пожалей нас, бедняг, кто ценит буколическое существование. Для нас даже малый сезон — нежеланное напоминание о том, чего мы так отчаянно пытаемся избежать.

— По крайней мере последняя загадка — превосходный предлог оказаться в другом месте и делать все, что пожелаешь.

Услышав, что очередная матрона требует от кучера остановиться в десяти шагах впереди, Диллон

12 тихо выругался.

— Насколько я понял, леди Кершо собирается вдвоём выпить нашей крови.

Ее светлость, местная блюстительница этикета, повелительно поманила молодых джентльменов. Ничего не поделаешь: пришлось покорно идти к экипажу. Диллон обменялся приветствиями с леди и ее дочерью Марго, после чего представил им Барнаби. Несколько минут они беспечно болтали, но Диллон краем глаза заметил заинтересованные взгляды дам. Вскоре у обочины выстроилась вереница экипажей. Украдкой взглянув на Барнаби, делавшего все возможное, чтобы оправдать ожидания мисс Кершо, Диллон поморщился. Подумать только, какую картину они собой представляют: он смуглый, с темными локонами, недавно введенными в моду знаменитым поэтом, и Барнаби, златокудрый Адонис с ярко-голубыми глазами. Просто идеальное сочетание. И поскольку светское общество Ньюмаркета было весьма ограничено, неудивительно, что дамы выстраивались в очередь, чтобы привлечь внимание интересных джентльменов. Цель же последних, «Жокей-клуб», находилась в сотне ярдов отсюда: приходилось принимать брошенный вызов. Они держались достойно, уверенно, сказывалась практика общения в бальных залах лондонского света. Несмотря на любовь к буколической жизни, которую сумела обеспечить его кузина Флик — Фелисити Кинстер, — последние десять лет Диллон провел достаточно времени в вихре светской жизни и в столице, и в других городах, где, по выражению Флик, сохранял форму, продолжая практиковаться.

До его грехопадения и скандала, перевернувшего всю жизнь, он всегда полагал, что когда-нибудь женится и заведет детишек. Потратив последние десять лет на то, чтобы как-то упорядочить свое существование, заплатить долги, материальные и моральные, вновь восстановить свою честь в глазах тех, кто был ему небезразличен, он привык к уединенному существованию ничем не обремененного джентльмена.

Улыбнувшись леди Кеннеди, третьей по счету матроне, которой удалось его задержать,

Диллон распрощался, позвал Барнаби и продолжил путь. Изредка он бросал взгляды на ожидающие экипажи и их прелестных пассажирок, но никто не пробуждал в нем даже отдаленного интереса, ни одно милое личико не разожгло любопытства.

К несчастью, репутация человека с каменным сердцем, равнодушного к женским чарам, только подливала масла в огонь надежд местных леди. Многие считали его безразличие личным вызовом, а самого Диллона — едва ли не дезертиром, которого давно следует поймать и хорошенько взнудать. А их мамы!.. С каждым годом Диллону приходилось проявлять все больше осторожности, чтобы заранее разгадать очередную ловушку из тех, что расставляют матроны для ловли простаков.

Те немногие леди, которых он иногда укладывал в постель, не гнушались хитроумными планами. Последняя любовница пыталась убедить Диллона в бесчисленных преимуществах, которые он обретет, если женится на ее племяннице. Указанные преимущества не исключали и ее прелестное тело.

Он не разозлился. Даже не удивился. Просто был почти готов отказаться от всех мыслей о женитьбе.

— Миссис Картуэлл! Рад встрече, мадам.

Пожав протянутую руку надменной дамы, Диллон поклонился ослепительному видению, сидевшему рядом с миссис Картуэлл, после чего отступил и представил Барнаби. Последний обменялся любезностями с прекрасной мисс Картуэлл. Искренне благодарный другу, Диллон предоставил ему править бал.

Миссис Картуэлл сосредоточенно дирижировала беседой между дочерью и Барнаби, третьим сыном графа и столь же завидным женихом, как сам Диллон. Оставленный на произвол судьбы, Диллон вновь вернулся мыслями к тому делу, которое они с Барнаби обсуждали в «Ветке и сучке». Друзья выбрали самую тихую кофейню, посещаемую обычными людьми, а не клубное заведение, обожаемое любителями скачек, по той причине, что предмет их разговора вызвал бы немало слухов и сплетен среди последних.

Они стремились всеми силами избежать очередного скандала, связанного со скачками.

На этот раз Диллон не оказался по ту сторону добра, ангелы завербовали его по требованию всемогущего комитета «Жокей-клуба», чтобы проверить слухи об аферах со скачками, которые стали ходить после недавнего весеннего сезона.

Это требование служило также открытым и безоговорочным вотумом доверия, объявлением, что комитет считал грехи юности прощенными и грифельную доску — вытертой начисто. Более того, это было откровенным заявлением, что комитет верит в его честность и осмотрительность, преданность миру скачек и коневодства, которым руководил комитет и которому так долго служили он и его отец.

Его отец, генерал Кэкстон, давно ушел на покой, и теперь Диллон стал хранителем Реестра пород и Книги родословных, двух официальных столпов коневодства и скачек в Англии. И поскольку распространялись они из Лондона, Диллон завербовал под свои знамена достопочтенного Барнаби Адэра, доброго друга Джерарда Деббингтона. Диллон много лет знал Джерарда, оба были вхожи в семью влиятельных и могущественных Кинстеров. Недавно Барнаби помог Джерарду раскрыть жестокое убийство. Когда Диллон упомянул о возможном мошенничестве на скачках, глаза Барнаби загорелись. Разговор произошел в конце июля, Барнаби провел тщательное расследование и сообщил, что, хотя слухи казались весьма недостоверными, многие лошади, считавшиеся фаворитами, неожиданно пришли к финишу в числе последних и люди, поставившие на них, потеряли немалые суммы. Конечно, никто не находил в этом чего-то особенного: на скачках всякое бывает. Доказательств не было. Ничего, что позволило бы сделать следующий шаг.

Однако теперь, после первых скачек осеннего сезона, произошло нечто странное. Настолько, что Диллону пришлось срочно вызвать Барнаби.

Диллон изложил подробности трех последовательных попыток вломиться в «Жокей-клуб»,